

Polylogos. 2013-2021

ISSN 2587-7011

URL - <http://polylogos-journal.ru>

All right reserved

№ 2 Volume 5. 2021

The History of Philosophy in the Perspective of the Intercultural Philosophy: The Concept of Scharfstein

Vlada Belimova

RAS Institute of Philosophy

Russian Federation, Moscow, 109240, Goncharnaya st., 12/1

Abstract

The article examines a new trend in contemporary philosophical studies known as the ‘intercultural philosophy’ in the light of its connection with the history of philosophy. The intercultural philosophy claims to study various forms of world philosophical knowledge, from its own peculiar perspective, that reveal the ‘symphonic’, ‘polylogue’ character of interaction of world cultures and their philosophical traditions. This sets up a query to rethink the traditional attitude of the existing philosophical disciplines to the diversity of forms of world philosophy. Many works on the history of philosophy, created in the paradigm of the comparative philosophy, demonstrate the bias (sometimes in the form of unconscious mind predisposition of their authors) towards the ‘Orientalism’ with its typical tendency to judge the non-Western philosophical traditions (in particular of India and China) by their conformity with the standards of European philosophy.

However, among the authors, who consider themselves to be comparative philosophers, one can also find those, who understanding the defect character of ‘Orientalism’, strive to look at the non-Western philosophical traditions open-mindedly – as the autonomous, integral systems of thought, which (together with the Western philosophy) form the polyphonic tune of the world philosophy. These thinkers are shaping a new intercultural trend in modern philosophy. Ben-Ami Scharfstein belongs precisely to this rare category of modern philosophers. He reflects his own position as a position of a ‘cultural comparativist’. In his exposition he avoids the traditional mode of studying of the philosophical tenets separately – belonging to different cultures and geographical loci, and claims that it is better to study world history of philosophy uniting the positions of Indian, Chinese and Western thinkers on the basis of the universal philosophical problems.

The article underlines Scharfstein's methodology as a promising for comprehending and revising the history of philosophy from the intercultural perspective.

Keywords list (en): world history of philosophy, comparative philosophy, intercultural philosophy, polylog, Ben-Ami Scharfstein

Date of publication: 10.07.2021

Citation link:

Belimova V. The History of Philosophy in the Perspective of the Intercultural Philosophy: The Concept of Scharfstein // Polylogos. – 2021. – V. 5. – № 2 [Electronic resource].

URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015854-1-1/> (circulation date: 08.12.2021).

DOI: 10.18254/S258770110015854-1

1 В процессе своего становления межкультурная философия определяет себя по-разному – и как отдельное направление в рамках философских наук, и как новый этап эволюции в рамках компаративистики. По мере своего формирования в качестве нового подхода к философствованию она обращается к переоценке существующих подходов и методов философского дискурса.

2 Призывы к пересмотру истории философии из новой парадигмы звучат практически во всех программных манифестах по межкультурной философии. Об этом говорят такие законодатели этого нового философского тренда, как Рам Адхар Малл, Франц Мартин Виммер, Джонардон Ганери и др. Так, с точки зрения Малла, новая историография философии должна попрощаться «с евроцентричным, гегелевским способом написания книг по истории философии»¹. Франц Мартин Виммер также критикует современную западную академическую философию за ее неспособность признать ценность незападных традиций мысли и их истории: «ни один философский тезис нельзя считать достаточно обоснованным, если он был сформулирован людьми, принадлежащими только к одной культурной традиции»². Джонардон Ганери в своем «Манифесте вновь нарождающейся философии» призывает разоблачить ложное утверждение интеллектуальных колонизаторов о том, что «разум является нейтральным инструментом», указывая, в частности, на то, что «в истории эпистемологии на Западе существует только одна эпистемология – западная»³.

3 Какой может стать история философии, если обратиться к ней с межкультурной позиции? Пересмотр истории философии из межкультурной перспективы требует определенных методологических оснований. Такие основания предлагает Бен-Ами Шарфштейн, называющий себя «культурным компаративистом» (“Cultural Comparatist”).

4 Бен-Ами Шарфштейн (1919–2020) родился в Нью-Йорке в 1919 г. в семье одного из ведущих преподавателей иврита в стране, Зеви Шарфштейна, эмигрировавшего из Российской империи после жестоких погромов, последовавших за началом Первой мировой войны. Степень бакалавра Бен-Ами Шарфштейн получил в еврейских и светских учреждениях, степень магистра философии – в Гарварде, степень доктора философии – в Колумбийском университете в 1942 году. В 1955 году Шарфштейн эмигрировал в Израиль, где стал основателем кафедры философии⁴ в университете Тель-Авива, которую и возглавлял на протяжении многих лет (1955–1972), он также некоторое время занимал должность проректора университета (1969–1972).

5 О некоторых преимуществах и рисках «культурно-компаративного» подхода Шарфштейн рассказывает в своей автобиографии с провокативным названием «Абсурд у Канта и Льюиса Кэрролла»⁵. Так, культурный компаративист выступает посредником не только между различными областями знания – философией, историей, антропологией и т.д., но и между различными культурами и традициями, то есть он «не только мыслит путем сравнения, но его сравнения включают в себя ряд культур»⁶. Выступая посредником между различными областями знания, компаративист фактически находится в авангарде науки в эпоху ее узкой специализации и потому должен, с одной стороны, обладать отвагой, чтобы нарушать границы между научными дисциплинами, а с другой – быть готовым к справедливой критике со стороны узких специалистов за недостаточную детализацию, поверхностность, неточности и т.п. Компаративист должен изначально согласиться с тем, что, несмотря на все свои усилия, он все равно многое упустит, поскольку «общее

количество работ, которые может изучить ученый-компаративист, не превышает количества, которое может изучить любой другой ученый»⁷. В числе самых главных профессиональных качеств компаративиста Шарфштейн называет контекстуальную избирательность и готовность зависеть от других ученых, узких специалистов. В числе значимых характеристик такого компаративизма – обязательный выход за рамки «иврито-греко-латинско-арабской орбиты»⁸ и широкий кругозор исследователя, ибо «всякий, кто верит, что философская мысль ограничена пределами Европы, демонстрирует таким образом только свое невежество»⁹. О широком кругозоре самого Шарфштейна свидетельствует список его многочисленных публикаций, где помимо работ по философии¹⁰ значительное место занимают работы, посвященные мировому искусству¹¹, мистическому опыту¹² и политике¹³, теории контекста¹⁴, а также влиянию психологических травм детства на философскую мысль великих западных философов – от Декарта до Сартра¹⁵. Даниел Равех, профессор индийской философии и компаративистики университета Тель-Авива, называет Шарфштейна своим учителем и, говоря о невероятной широте его познаний в самых разных областях и любознательности, признается в том, что «всегда думал о нем как о sarvajñā, Всеведающем»¹⁶.

6 Историко-философским исследованиям ученый посвятил объемную монографию «Сравнительная история мировой философии: от Упанишад до Канта»¹⁷, в современной российской научной литературе практически не известную. Монография получила почетную награду журнала “Choice”¹⁸ как выдающаяся академическая книга 1998 года. Известный исследователь в области сравнительной философии, главный редактор журнала “Philosophy East and West” Элиот Дойч высоко оценил эту работу: «Должен сказать, что когда я впервые увидел содержание, то подумал, что задача, которую профессор Шарфштейн поставил перед собой, неосуществима. Мне представлялось, что написать всю историю мировой философии можно только поверхностно. Однако я был приятно удивлен убедившись, что автор остается внимательным к деталям, охватывая при этом очень широкий спектр философских тем»¹⁹. Американский религиовед Пол Гриффитс отметил, что «работам с сопоставимым объемом не хватает внимания Шарфштейна к деталям, а работам с сопоставимыми или более подробными деталями почти всегда не хватает сравнительного акцента и широкого диапазона, которые можно найти здесь»²⁰. Называя эту монографию «жемчужиной работы Шарфштейна как компаративиста»²¹, Равех указывает на любопытный факт: оказывается, автор собирался назвать свой труд по-другому – не «от Упанишад до Канта», а от «Уддалаки»²² до Канта», но, вероятно, издатели не решились выпускать книгу с неизвестным широкому читателю именем в названии.

7 Каждая глава монографии отдана определенному направлению в философии (метафизика, логический релятивизм, атомизм, идеализм, скептицизм, трансцендентализм и т.д.) – то есть Шарфштейн объединяет мыслителей не по традиции, а по предмету их философского интереса. Согласно амбициозной задумке автора, монография призвана начертить полную карту мировой философии, с особым акцентом на взаимосвязях – как очевидных, так и неявных – между философскими культурами. Так, например, говоря о началах метафизики, он останавливается на Уддалаке, Яджньвалкье, Гераклите и Пармениде (глава 1), рассказывает о ранних логических учениях на примере Махавиры, Чжуан-цзы, Платона и др. (глава 4), для описания т.н. «иерархического идеализма» обращается к Плотину, Проклу и Бхартрихари (глава 7), трансцендентализм рассматривается на примере философии Шанкары и Спинозы (глава 11), аналитика восприятия – на примере Асанги, Васубандху, Локка, Беркли и Юма (глава 12), представителями «неоскептицизма» оказываются Дигнага, Дхармакирти и Кант (глава 13). Получается, что мыслители разных традиций и эпох вступают в философские дискуссии друг с другом. Автор не только демонстрирует, что существующие культурные барьеры между западной, индийской и китайской философией преодолимы, выявляя фундаментальные сходства абстрактных принципов каждой из трех «великих философских традиций», но – и это особенно важно в рамках проекта межкультурной философии – предлагает свой методологический подход к пересмотру истории философии в ситуации культурного многообразия.

8 Сетка категорий, упрощающая жизнь культурного компаративиста, может

пригодиться и межкультурному философу: структурный подход позволяет изменить оптику и, оторвавшись от созерцания деревьев, увидеть лес. Однако, что касается конкретного распределения философов разных традиций и эпох по категориям, то тут возможны разные мнения. Так, американский востоковед Капштейн, анализируя представленные Шарфштейном категории, замечает, что «в некоторых случаях существуют определенные аргументы и доктрины, заслуживающие сравнения, но в целом категории Шарфштейна могут ввести в заблуждение»²³. Как замечал Ясперс, конструирование любых схем, описывающих движение философии в ее единстве, может быть «взорвано гениальностью отдельного философа», выбивающегося из стройного ряда анализируемых авторов²⁴. Действительно, живая философская мысль, вне зависимости от предмета своего интереса, всегда избегала и, как видится, будет избегать надуманных ограничений. Для межкультурной философии утверждение об условности любых категоризаций также справедливо, и все же вряд ли без должного методологического аппарата возможно подступить к проекту пересмотра истории философии.

9 О методологии и определения инструментария для сравнительного изучения разных философских традиций и в конечном итоге для «новой сборки истории философии», включающей в себя все существующие в мире системы мысли, Шарфштейн пишет в первой главе своей монографии. Определение новых – расширенных – границ историко-философского исследования – важная методическая задача, для решения которой компаративист последовательно рассматривает значимые, с его точки зрения, вопросы: что есть традиция, сколько всего философских традиций существует в мире, как их следует изучать – одновременно или последовательно, одинаково ли понимается философия в разных традициях, какие признаки отличают философию от не-философии и т.п.

10 В первую очередь он ограничивает количество традиций, изучаемых в рамках истории философии. Так, он говорит только о трех «великих» традициях – индийской, китайской и европейской: «только из почвы индийской, китайской и европейской культур возникло то, что заслуживает чести называться философией»²⁵. Чтобы объяснить (или хотя бы смягчить) категоричность этого спорного заявления, Шарфштейн обращается к определению того, чем, собственно, является традиция. Под традицией исследователь понимает прежде всего форму непрерывной передачи знания от учителя к ученику. По природе каждая традиция кумулятивна, то есть свидетельством ее развития является все увеличивающаяся детализация и плотность. Каждая традиция – источник множества субтрадиций, которые взаимодействуют друг с другом в рамках общего подхода и структур мышления, возникших в их корневой традиции. Традиции свойственно единство, преобладающее над всеми внутренними различиями²⁶.

11 Почему же из всего многообразия философских культур Шарфштейн выделяет именно эти три – индийскую, китайскую и европейскую, называя их «великими философскими традициями»? А как же философская мысль, рожденная в арабско-мусульманской, иудейской, тибетской, японской, русской культурах? Вопрос этот гораздо более сложен, чем может показаться на первый взгляд. Прежде всего, вызывает сомнение идея, что в лоне «великих» культур действительно возникли философские традиции, которые можно было бы называть «однородными» – то есть внутренне непротиворечивыми, согласованными. Подобное требование однородности в принципе неприменимо к философским традициям как к классу, а вот расколы внутри традиций точно существуют. Например, когда говорят о шести классических индийских философских школах, «даршанах» – системах философских воззрений, имеют в виду только те, которые признают авторитет Вед (миманса, веданта, ньяя, вайшешика, санкхья и йога), фактически делегитимизируют все остальные, которые авторитет Вед не признают (чарвака, буддизм, джайнизм). Философский ландшафт классического Китая также трудно назвать однородным. Если с этой точки зрения посмотреть на нашу материнскую – общеевропейскую – традицию, то «многонациональный» состав и широкая палитра концепций явно спорят с предположением о ее однородности и единстве. Возможно ли все многообразие философских направлений европейской мысли свести к нескольким – «самым главным» – и назвать их «ортодоксальными»?

12 Шарфштейн предполагает, тем не менее, что каждой из трех великих традиций свойственно единство, преобладающее над всеми внутренними различиями. В чем конкретно это единство проявляется? Компаративист уверен, что великим традициям свойственны «укоренившиеся привычки мышления», берущие начало «во глубине веков», а также «длительная история самореференции», под которой подразумевается способность традиции опираться на саму себя как в процессе своего развития во времени, так и в процессе саморефлексии²⁷. Иными словами, континуальность предполагает преемственность во времени и пространстве (примером такой преемственности может служить, в частности, «признание авторитета Вед»), а самореференция – качество, которое делает изолированное высказывание трудным для понимания вне определенного философского контекста, благодаря чему можно с легкостью различать внутренне присущие традиции идеи от тех, что принадлежат миру других философских культур.

13 Изучать историю философии следует сравнительно, то есть знакомиться со всеми тремя великими традициями одновременно – или, по крайней мере, их изучение следует начинать в компаративном ключе²⁸. Во-первых, потому что концентрация на одной традиции может привести к ошибочному мнению о ее значимости и невозможности понять, как она соотносится с другими традициями. История философии, если изучать ее сравнительно, то есть параллельно знакомиться с китайской, индийской и европейской традициями, создаст более широкую рамку, что, вероятно, поможет исследователю развить способность «сущностного» схватывания различных логик и интуиций, возникших в сфере философии. Во-вторых, если рассматривать традиции параллельно, то вероятно возникновение неожиданных интерпретаций в сфере мировой философии – скажем, новых нейронных связей, – что позволяет надеяться на развитие межкультурной способности слышать разные точки зрения²⁹. «Когда три традиции изучаются совместно, проще допустить возможность, что действительно существуют по-настоящему универсальные философские позиции и аргументы (доказательства) и так, взятые вместе, три традиции смогут стать основой для обнаружения своеобразной периодической таблицы элементов философии»³⁰.

14 Исследовать каждую из традиций досконально невозможно по «техническим причинам»: времени самой долгой человеческой жизни не хватит на доскональное изучение всех источников всех традиций, кроме того, нет наставников, уже прошедших этот путь, – во всяком случае, на данный момент. Чтобы разомкнуть заколдованный круг, Шарфштейн предлагает пожертвовать точностью изучения материала в пользу избирательности в выборе источников. Такой подход позволит создавать общие истории философии, авторы которых, впрочем, должны изначально признавать свое собственное невежество, несовершенство своих знаний. «Общее количество текстов, которые может изучить даже самый трудолюбивый историк философии, имеющий дело с тремя традициями, не превышает числа текстов, которое будет изучено историком; любой из них – просто *избирательность компаративиста* (курсив мой. – В.Б.) и должна быть выше, как, впрочем, и зависимость от других ученых, ибо требуемая языковая компетентность превышает человеческие возможности»³¹.

15 Я проиллюстрирую разницу между детальностью в изучении предмета представителя традиции, избирательностью компаративиста и межкультурным подходом на примере карты города. Карта может быть схематичной (описывать только самые главные улицы), подробной (содержать множество сведений – скажем, о номерах домов, названиях переулков и магазинов), а может быть представлена в виде точной компьютерной 3D модели. Подобно тому как для первого знакомства с городом туристу достаточно простой карты, где расставлены акценты основных достопримечательностей, так и для общего представления о движении философской мысли в трех философских традициях компаративисту будет достаточно познакомиться только с самыми значимыми текстами и комментариями к ним. Детальный план будет полезен представителю традиции. Что касается межкультурного философа, то очевидно, что ему пригодится 3D карта, масштаб которой может изменяться в зависимости от запроса исследователя.

16 Вдохновившись идеями Шарфштейна, обратимся к высказываниям о добре и зле

двух мыслителей, не пересекающихся ни во времени, ни в пространстве, – немецкого мыслителя Иммануила Канта (XVIII в.) и китайского мыслителя Сюнь-цзы (III в. до н.э.), а после попробуем выяснить, насколько точным следует сделать масштаб этой историко-философской параллели для межкультурного исследования. Так, Канта занимал вопрос: «добр ли человек от природы, или от природы он зол, или же он от природы одинаково восприимчив и к тому, и к другому, смотря по тому, в руки какого воспитателя он попадает». На этот вопрос конфуцианец Сюнь-цзы отвечал, что человек «по своей природе зол, его добродетельность порождается [практической] деятельностью»³².

17 На первый взгляд кажется, что мыслители разных эпох и культур говорят об одном и том же – о «природе человека», «дobre» и «зле», однако очевидно, что европейское «добро и зло» и китайское «добро и зло» могут отличаться довольно сильно. На что здесь обратит внимание историк западной философии? Л.Э. Крыштоп разбирает идеи Канта и Сюнь-цзы о зле, изначально присущем человеческой природе, и подробно останавливается на кантовском термине “*Gesinnung*” (образ мысли, умонастроение), синонимичном ему “*Denkungsart*” и максиме (субъективном принципе воли), однако ничего не говорит о центральном для Сюнь-цзы словосочетании «син э»³³. Как указывает исследователь китайской философии С.Ю. Рыков, часто это словосочетание «переводят именно как “природа зла”, на самом деле эта синтагма означает “природа дурна”»³⁴. Разница вроде как несущественна, но этот один лингвистический акцент открывает путь к совершенно другой трактовке высказывания китайского мыслителя: человеческая природа сама по себе устремлена к добру и совершенству, но «не имеет сил достичь этого совершенства, она дурна не в смысле “зла”, но в смысле “некачественна”»³⁵. Крыштоп также приходит к выводу, что различия между культурами и эпохами не должны мешать увидеть глубинное сходство: под изначальным злом человеческой природы оба мыслителя понимают «не субстанциальное зло», а «неправильную, порочную склонность»³⁶.

18 Исследование лишь только формального сходства между словами мало что дает для философского анализа. Как справедливо указывает Шарфштейн, при сравнении необходимо учитывать также сами смысловые контексты, в которых эти слова были высказаны, – исторический, лингвистический, культурный, наконец, философский. Важен также вопрос терминологии. Не менее значим и вопрос переводов: способен ли стандартный английский, ставший базовым языком сравнительного философствования, передать все богатство древнекитайского и классического немецкого языков?

19 Что касается хронологии, то вслед за Ясперсом Шарфштейн предлагает отнести начало философии к «осевому времени» – времени, когда история перестала быть собранием местных нарративов и приобрела новую, рациональную, перспективу. В раннем периоде каждой из трех традиций мы обнаруживаем не только истоки формальной логики, но нечто гораздо большее: атмосфера, царящая в философии в целом, – это атмосфера игры, куда приглашены все, кто «увлечен сияющими игрушками разума и готов совершенствоваться в логике и риторике»³⁷. Осмысление каждой традицией собственного прошлого обязательно содержит осмысление вклада в развитие мысли каждого из значимых мыслителей. По указанной выше логике, культурный компаративист должен выбрать из всех мыслителей во всех традициях – самых значимых, с тем чтобы «написать историю мировой философии, которая была бы не только целостной, но и не разросшейся до необъятных размеров»³⁸.

20 Пожалуй, самый важный вопрос – что именно считать философией. Шарфштейн предлагает ответить на него формально, выделив отличительные признаки присутствия философии в культуре. Так, в качестве внутреннего признака он называет логику, в качестве внешнего – диспуты. Логика – один из отличительных признаков философии – указывает на профессиональный аспект философской деятельности. Этот аспект связан с социальной формой философствования, в которой часто реализуется профессиональная философская деятельность – дебатами/диспутами, проводимыми по определенным правилам.

21 Грамотно сформулированные рассуждения – показатель философского мышления. Признаком такого рассуждения является использование логических правил, то есть правил,

обеспечивающих строгость мысли. В основе логического мышления лежит закон противоречия, согласно которому из двух утверждений одно является истинным, а другое – ложным. Излишне специально говорить о проблеме истинности в европейской традиции. Что касается Индии, то, согласно Шарфштейну, термин *vipratishedha* (взаимное противоречие) встречается уже в период V–III вв. до н.э.³⁹. Нельзя не отметить, что в предложенную Шарфштейном схему не вполне вписывается древнекитайская традиция: так, древнекитайские мыслители не искали «истины самой по себе», как древние греки и индийцы, для них истина была связана с «политической пригодностью и практической полезностью для организации общества и личной жизни»⁴⁰. Однако, как бы мы ни определяли истину, древнекитайские мыслители, безусловно, использовали определенные логические конструкции для выражения согласия с тем, что мы называем истинным утверждением, и выражения несогласия – с ложным.

22 Цель правил диспута – обеспечить участникам равные возможности, определить, какие аргументы являются приемлемыми, а какие – нет, и установить метод определения победителя. Социально-философская активность такого рода известна во всех трех исследуемых традициях – хотя и принимала разные формы в каждой из них. Чемпионом по дебатам среди всех традиций Шарфштейн называет Индию⁴¹. Дебаты проводились как в монастырях, так и в королевских судах; дебаты между знаменитыми философами всегда были публичным мероприятием. Индийская традиция знает дискуссию, диспут и ожесточенный спор. Дискуссии предполагают вовлеченность сторон в поиск и обретение истины. Целью диспута, наоборот, является победа над интеллектуальным противником любой ценой, невзирая на методы. В ожесточенном споре участники только критикуют позицию оппонента, никак не характеризуя свою. Сведения о дебатах в античной Греции содержатся в «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида, в комедии Аристофана «Облака», философские произведения также часто написаны в форме дебатов. Платон различает несколько форм дебатов: аподиктические, эристические, софистические, диалектические. Аподиктические ставили целью достижение истины, эристические – переубеждение оппонента, софистические – победу в споре любой ценой, диалектические – достижения не истины, а правдоподобия. Известно, что в философские диспуты проводились в Китае с IV в. до н.э., и, хотя вскоре интерес к логике и парадоксам (по политическим причинам) угас, к III в. н.э. возникли «цинтань» («чистые беседы») ⁴² – особая форма интеллектуального диспута, свободная от социально-политических тем. Участники этих диспутов обсуждали вопросы космологии и существования бессмертных, «внутренней свободы человека в духе даосских идеалов и одновременно вопросы соединения идеалов внутренней свободы с ценностями чиновника-конфуцианца»⁴³ и т.д. Возможно, отголоски тех бесед и сделали III столетие незабываемым для философской истории Китая.

23 Завершая этот небольшой экскурс в компаративную методологию Шарфштейна, нельзя не коснуться традиционного для сравнительных исследований вопроса о сходствах и различиях. Шарфштейн указывает, что важны как сходства, так и различия и, более того, «не существует сходства, не связанного с различием, и наоборот»⁴⁴. Существует крайняя позиция, согласно которой базовые понятия каждой традиции непередаваемы, и, соответственно, нельзя с помощью понятий одной традиции описать другую со всеми ее «укоренившимися привычками мышления», следовательно, философские традиции несопоставимы в принципе. Неужели каждая философская традиция – индийская, китайская, европейская – совершенно закрытый, полностью непроницаемый мир? Сетка категорий, предложенная Шарфштейном, демонстрирует, что между тремя традициями существуют сходства общего характера и различия в частности: во всех трех традициях мы обязательно обнаруживаем софистов, скептиков, материалистов и др.; концепция атомизма присутствует во всех трех традициях; стандартные буддийские аргументы, опровергающие существование субстанции, – те же, что у Юма; и т.п. Но несмотря на эти примеры, надо понимать, что эти параллели вырваны из лингво-историко-философского контекста, в котором существует каждая из традиций. Представители философских традиций могут быть справедливо возмущены небрежным высказыванием компаративиста о том, что «везде одно и то же». Традиционно, то есть до наступления нынешней глобальной эпохи, философские дискуссии

проходили внутри отдельных философских традиций, а их участниками становились представители субтрадиций. Именно поэтому предмет дискуссии для участников всегда имеет колоссальное значение, а постороннему наблюдателю может показаться не более чем изощренной интеллектуальной игрой.

24 Шарфштейн настаивает на том, что компаративист – не практик определенной философской системы, не представитель традиции, а исследователь, интересующийся тем, как одна и та же тема может по-разному звучать в разных философских культурах⁴⁵. На страницах своей автобиографии Шарфштейн анализирует свои собственные сильные и слабые стороны как ученого-специалиста и как культурного компаративиста. Среди своих слабых сторон он называет «неадекватное владение языками и математической логикой, тенденцию игнорировать культурные и дисциплинарные границы, отсутствие страха перед ошибкой и отсутствие предубеждений»; пытаясь выделить свои сильные стороны, он с удивлением обнаруживает, что они в основном совпадают со слабыми – это «мои широкие интересы (искусство, музыка, литература, психология, а также точные и социальные науки), склонность игнорировать культурные и дисциплинарные границы, отсутствие страха перед ошибкой, свобода от культурных и дисциплинарных предубеждений»⁴⁶. Самым главным достоинством культурного компаративиста Шарфштейн называет любопытство и сокрушается, что многие западные философы не любопытны. «Философия в равной степени обращается к воображению и интеллекту, а потому я не могу поверить, что, встретившись с незападными традициями мысли, философ может не воодушевиться их возможностями»⁴⁷. Шарфштейн критикует западных философов и историков философии за отсутствие любопытства к другим культурам: «они могут так никогда и не узнать, что, например, в индийской философии имеются списки правильных и неправильных способов аргументации, а в школе миманса существует концепция, напоминающая кантовское учение о морали (религиозные предписания должны выполняться не ради возможного вознаграждения или наказания, которые не имеют никакого отношения к морали, но лишь в силу долга), что в индийской и исламской философии время и пространство атомизируются способами, как знакомыми, так и не знакомыми Западу»⁴⁸. Исследователь уверен, что точка зрения, учитывающая только одну культуру, – проявление провинциализма, однако подобный провинциализм часто разделяют именно представители «великих» традиций, которые, как можно предположить, «слишком раздуты от гордости от сознания величия своей традиции, чтобы заметить существование других»⁴⁹.

25 Глобализм усиливает связи между людьми, возникновение проекта межкультурной философии свидетельствует об усилении связей между философиями мира. М.Т. Степанянц выделяет три основных типа этого нового интеллектуального явления: первый ставит задачей «расширение горизонтов для тех, кто участвует в философской рефлексии», и ориентирован на «формирование межкультурного подхода в философии» в целом⁵⁰, в рамках второго предполагается «выход за рамки “когнитивной скромности” к углубленному изучению и восприятию обогащающих идей и концепций другой культуры»⁵¹, третий, возникающий на базе признания множественности философских культур и полилоге, «таит в себе надежды и возможности открытия новых, ранее неведомых разрешений универсально значимых проблем»⁵².

26 В этом контексте упомянутое выше высказывание Шарфштейна о провинциализме в философии можно охарактеризовать как межкультурное, относящееся к первому типу. Межкультурный философ является представителем одновременно нескольких философских традиций, он своего рода «философский билингв». Он – не отстраненный наблюдатель, но наблюдатель включенный и при этом, благодаря своему поликультурному образованию, обладает также метапозицией.

27 Возникает также вопрос: куда может привести исследование сходств и различий философских культур и возможен ли между ними баланс? Шарфштейн уверен в существовании срединной позиции, откуда «различия между традициями выглядят преодолимыми, а сравнения действительно проясняют ситуацию в целом»⁵³. В рамках межкультурного проекта различия и сходства оказываются той благодатной почвой, из

которой – со временем, – вероятно, возникнут новые решения универсальных философских проблем. Это возможно благодаря особенной «оптике» межкультурной философии, позволяющей определенным образом «настраивать фокус».

28 Разработка сравнительной истории философии – процесс длительный и постепенный. Главное условие ее становления, по Шарфштейну, – качественные переводы философской классики всех трех традиций и, соответственно, их параллельное изучение. Как только философская классика каждой из трех философских традиций станет широко известна и будут доступны переводы, между традициями исчезнет напряжение, порожденное ощущением чужеродности.

29 Что касается разработки истории философии в межкультурной перспективе, то рассмотренная методология Шарфштейна может быть полезна для такой работы по нескольким пунктам. Хотя на протяжении всех 700 страниц монографии Шарфштейн ни разу не употребляет термин “intercultural philosopher”, в определенных смыслах он проявляет себя именно как межкультурный философ. Так, он призывает не закапываться в детали, но и не ограничиваться кратким схематичным изложением истории мировой философии, идти «по трудному пути»: вслушиваться в каждую эпоху, сонастраиваться с ее ритмами и стилем мышления, учитывать «интенсивность мысли» и порядок рассуждений каждого философа⁵⁴. Также для межкультурной философии полезным представляется начертание древа традиций с тремя основными ветвями – индийской, китайской и европейской. Призыв изучать их параллельно – это, по сути, абсолютно межкультурный призыв.

Remarks:

1. Mall R.A. Intercultural Philosophy: A Conceptual Clarification. *Confluence: Journal of World Philosophies*. 2014. Vol. 1. P. 71.
2. Wimmer F.M. Is Intercultural Philosophy a New Branch or a New Orientation in Philosophy? *Interculturality of Philosophy and Religion*. Bangalore: National Catechetical and Liturgical Centre, 1996. P. 47.
3. Ganery J. A Manifesto for Re:emergent Philosophy, *Confluence. Journal of World Philosophies*, Vol. 4. P. 136.
4. Кафедра под руководством Шарфштейна стала центром компаративных исследований.
5. Scharfstein, B.-A. *The Nonsense of Kant and Lewis Carroll*, Chicago: University of Chicago Press, 2014. 256 p.
6. Ibid. P. 38.
7. Ibid. P. 40.
8. Ibid. P. 41.
9. Scharfstein, B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. P.7.
10. Например, см.: Scharfstein, B.-A. *The Mind of China: The Culture, Customs and Beliefs of Traditional China*. Basic Books, 1974. 181 pp.; Scharfstein, B.-A. *Philosophy East/Philosophy West: A Critical Comparison of Indian, Chinese, Islamic and European Philosophy*, with Shlomo Biderman, Yoel Hoffmann, Dan Daor, and Ilai Alon. Oxford University Press, 1978. 359 pp.; Scharfstein, B.-A. *Ineffability: The Failure of Words in Philosophy and Religion*. State University of New York Press. 1993. 318 pp.; Scharfstein, B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. 685 pp.; Scharfstein, B.-A. *Roots of Bergson's Philosophy*. Columbia University Press, 2007. 164 pp.
11. Например, см.: Scharfstein, B.-A. *On Birds, Beasts and Other Artists: An Essay on the Universality of Art*. New York University Press. 1989. 224 pp.; Scharfstein, B.-A. *Art Without Borders: A Philosophical Exploration of Art and Humanity*. Chicago University Press, 2009. 558 pp.
12. Scharfstein, B.-A. *Mystical Experience*. Blackwell. 1973. 195 pp.
13. Scharfstein, B.-A. *Amoral Politics: The Persistent Truth of Machiavellism*. State University of New York Press. 1995. 354 pp.
14. Scharfstein, B.-A. *The Dilemma of Context*. New York University Press, 1989. 236 pp.

15. Scharfstein, B.-A. *The Philosophers: Their Lives and the Nature of their Thought*. Oxford University Press, 1980. 500 pp.
16. Raveh, D. Ben-Ami Scharfstein: A Philosophical Farewell. *Journal of World Philosophies*, Vol. 5, No. 2, 2020, P. 217.
17. Scharfstein, B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. 685 pp.
18. Choice – ежемесячный журнал, издаваемый Ассоциацией университетских и исследовательских библиотек (Association of College and Research Libraries), в котором публикуются рецензии на научные монографии практически по всем научным дисциплинам (примерно 7000 в год), а в январском выпуске выбираются «лучшие научные издания года».
19. Scharfstein, B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. P. 702.
20. Griffiths, Paul J. A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant by Ben-Ami Scharfstein. Review. *Iyyun: The Jerusalem Philosophical Quarterly*, Vol. 50, 2001. P. 87.
21. Raveh, D. Ben-Ami Scharfstein: A Philosophical Farewell. *Journal of World Philosophies*, Vol. 5, No. 2, 2020, P. 217.
22. Уддалака Аруни (VIII век до н.э.) — один из авторов (и персонажей) Брихадараньяка упанишады и Чхандогья-упанишады, относимых к ведийскому периоду. Интересно, что немецкий санскритолог Г.Г. Якоби (1850–1937) сравнивал Уддалаку с Фалесом Милетским.
23. Kapstein Matthew T. Review of A Comparative History of World Philosophy *Journal of Religion*, 2000. P. 527.
24. Ясперс К. Введение в философию/ Пер. с нем. Под ред. А. А. Михайлова. Минск: Прописки, 2000. С. 141.
25. Scharfstein, B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. P. 1.
26. Ibid. P. 1–5.
27. Ibid. P. 5.
28. Именно так и было организовано обучение на кафедре философии под руководством Шарфштейна: индийская и китайская философия преподавались как отдельные специальности, чем может похвастаться далеко не всякий университет, ведь даже в эпоху глобализма о незападных философских традициях не всегда говорят, об их включении в курсы истории философии, этики, эстетики, феноменологии, философии искусства и т.д. остается пока только мечтать.
29. К слову, именно по принципу «параллельного знакомства» сделан учебник-антология по основным направлениям восточных философских традиций признанного отечественного авторитета компаративистики М.Т. Степанянц, переведенный на английский и вьетнамские языки. См.: *Степанянц М.Т. Восточные философии: учебник для вузов*. М.: Академический Проект, 2011. 549 с.
30. Scharfstein, B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. P. 8.
31. Ibid. P. 9.
32. Феоктистов В.Ф. Философские трактаты Сюнь-цзы. Исследование. Перевод. Размышления китаевода / Сост. Е.В. Якимова. М., 2005. С. 305.
33. Крыштоп Л.Э. Кант и Сюнь-цзы о злой природе человека // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2015. № 4. С. 139–152.
34. Рыков С.Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций. Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФРАН, 2012. С. 251.
35. Там же.
36. Крыштоп 2015, 147 Крыштоп Л.Э. Кант и Сюнь-цзы о злой природе человека // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2015. № 4. С. 147.
37. Scharfstein, B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. P. 12.
38. Ibid. P. 9.
39. Ibid. P. 21.

40. Рыков С.Ю. Лики китайской рациональности // Историко-философский ежегодник. 2018. № 2018. С. 99.
41. Scharfstein, B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. P. 31.
42. О них подробно см.: Zürcher, E. *The Buddhist Conquest of China: The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China*. Leiden: Brill, 2007. Pp. 93–95.
43. Орбодоева М.В. Философско-религиозные течения в Китае в период распространения буддизма // Проблемы трансляции и философской интерпретации буддизма (на материале тибетской и китайской традиций): сб. ст. / Отв. ред. И.С. Урбанаева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. С. 180.
44. Scharfstein, B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. P. 34.
45. Ibid. P. 38.
46. Scharfstein, B.-A. *The Nonsense of Kant and Lewis Carroll*, Chicago: University of Chicago Press, 2014. Pp. 46–47.
47. Ibid. P. 45.
48. Ibid. P. 44.
49. Scharfstein, B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. P. 7.
50. Степанянц М.Т. Межкультурная философия: истоки, методология, проблематика, перспективы. М.: Наука – Вост. лит., 2020. С. 15.
51. Там же. С. 23–24.
52. Там же. С. 25.
53. Scharfstein, B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. P. 35.
54. Ibid. P. XI.

References:

1. Kryshtop L.E. Kant i Syun'-czy o zloj prirode cheloveka // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. 2015. № 4. S. 139–152.
2. Orbodoeva M.V. Filosofsko-religioznye techeniya v Kitae v period rasprostraneniya buddizma // Problemy translyacii i filosofskoj interpretacii buddizma (na materiale tibetskoj i kitajskoj tradicii): sb. st. / Otv. red. I.S. Urbanaeva. Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2018. S. 175–185.
3. Rykov S.YU. Drevnekitajskaya filosofiya: Kurs lekcij. Ros. akad. nauk, In-t filosofii. M.: IFRAN, 2012. 312 s.
4. Rykov S.YU. Liki kitajskoj racional'nosti // Istoriko-filosofskij ezhegodnik. 2018. № 2018. S. 89–118.
5. Stepanyanc M.T. Vostochnye filosofii: uchebnik dlya vuzov. M.: Akademicheskij Proekt, 2011. 549 s.
6. Stepanyanc M.T. Manifest vnov' narozhdayushchejsya filosofii // Voprosy filosofii. 2018. № 9. С. 5–12.
7. Stepanyanc M.T. Mezhkul'turnaya filosofiya: istoki, metodologiya, problematika, perspektivy. M.: Nauka – Vost. lit., 2020. 192 s.
8. Feoktistov V.F. Filosofskie traktaty Syun'-czy. Issledovanie. Perevod. Razmyshleniya kitaaveda / Sost. E.V. YAkimova. M., 2005. 491 s.

9. YAspers K. Vvedenie v filosofiyu/ Per. s nem. Pod red. A.A. Mihajlova. Minsk: Propilei, 2000. 192 s.
10. Ganery J. A Manifesto for Re:emergent Philosophy, *Confluence. Journal of World Philosophies*. Vol. 4. R. 134–143.
11. Griffiths, Paul J. A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant by Ben-Ami Scharfstein. Review. *Iyyun: The Jerusalem Philosophical Quarterly*. Vol. 50. 2001. R. 85–88.
12. Kapstein Matthew T. Review of A Comparative History of World Philosophy *Journal of Religion*, 2000. P. 526–527.
13. Mall R.A. Intercultural Philosophy: A Conceptual Clarification. *Confluence: Journal of World Philosophies*. 2014. Vol. 1. P. 67–84.
14. Raveh D. Ben-Ami Scharfstein: A Philosophical Farewell. *Journal of World Philosophies*. Vol. 5. No. 2. 2020. R. 211–220.
15. Scharfstein B.-A. *Mystical Experience*. Blackwell. 1973. 195 p.
16. Scharfstein B.-A. *The Mind of China: The Culture, Customs and Beliefs of Traditional China*. Basic Books, 1974. 181 pp.
17. Scharfstein B.-A. *Philosophy East/Philosophy West: A Critical Comparison of Indian, Chinese, Islamic and European Philosophy*, with Shlomo Biderman, Yoel Hoffmann, Dan Daor, and Ilai Alon. Oxford University Press, 1978. 359 p.
18. Scharfstein B.-A. *The Philosophers: Their Lives and the Nature of their Thought*. Oxford University Press, 1980. 500 p.
19. Scharfstein B.-A. *On Birds, Beasts and Other Artists: An Essay on the Universality of Art*. New York University Press. 1989. 224 p.
20. Scharfstein B.-A. *The Dilemma of Context*. New York University Press, 1989. 236 p.
21. Scharfstein B.-A. *Ineffability: The Failure of Words in Philosophy and Religion*. State University of New York Press. 1993. 318 p.
22. Scharfstein B.-A. *Amoral Politics: The Persistent Truth of Machiavellism*. State University of New York Press. 1995. 354 p.
23. Scharfstein B.-A. *A Comparative History of World Philosophy: From the Upanishads to Kant*. State University of New York Press. 1998. 702 p.
24. Scharfstein B.-A. *Roots of Bergson's Philosophy*. Columbia University Press, 2007. 164 p.
25. Scharfstein B.-A. *Art Without Borders: A Philosophical Exploration of Art and Humanity*. Chicago University Press, 2009. 558 p.
26. Scharfstein, B-A. *The Nonsense of Kant and Lewis Carroll*, Chicago: University of Chicago Press, 2014. 256 p.
27. Wimmer F.M. Is Intercultural Philosophy a New Branch or a New Orientation in Philosophy? *Interculturality of Philosophy and Religion*. Bangalore: National Catechetical and Liturgical Centre, 1996. P. 45–57.
28. Zürcher Erik. *The Buddhist Conquest of China: The Spread and Adaptation of Buddhism in*

Early Medieval China. Leiden: Brill, 2007. xxxvii+472 p.

История философии в межкультурной перспективе: взгляд Шарфштейна

Белимова Влада Сергеевна

Институт философии РАН

Российская Федерация, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Аннотация

В статье исследуется отношение нарождающегося в современной философской мысли направления – межкультурной философии – к истории философии. В межкультурной философии, рассматривающей различные формы философского знания, существующие в мире, из особой – «симфонической» – перспективы, из пространства полилога культур, постепенно формулируется запрос на переосмысление подходов к этим уже сложившимся философским дисциплинам. Многие историко-философские труды, созданные в парадигме сравнительной философии, несут на себе отпечаток классических «ориенталистских» установок, с характерной тенденцией сопоставлять и оценивать положения незападных философских традиций (в частности, Индии и Китая) по степени их соответствия «эталонным» положениям европейской философии.

Однако среди авторов, относящих себя к философам-компаративистам, можно встретить и тех, кто смотрит на незападные традиции философской мысли непредвзято – как на автономные, цельные в себе системы мысли, вместе с западными формирующие полифонию мировых философий. Эти мыслители во многом и формируют новую межкультурную тенденцию в современной философии. Бен-Ами Шарфштейн относится именно к этой редкой категории: он «рефлексирует» свою собственную позицию и называет себя «культурным компаративистом». Анализ историко-философского материала у него строится не на основании традиционной модели – последовательного изложения историй разных философских традиций по культурно-географическому признаку, а по общим философским проблемам, которые решали мыслители индийской, китайской и западной культур.

Автор статьи показывает, что методология Шарфштейна оказывается перспективной для осмысления и пересмотра истории философии из межкультурной перспективы.

Ключевые слова: всемирная история философии, философская компаративистика, сравнительная философия, межкультурная философия, полилог, Бен-Ами Шарфштейн

Дата публикации: 10.07.2021

Ссылка для цитирования:

Белимова В. С. История философии в межкультурной перспективе: взгляд Шарфштейна // Полилог/Polylogos. – 2021. – Т. 5. – № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015854-1-1/> (дата обращения: 08.12.2021). DOI: 10.18254/S258770110015854-1